

Ту же систему изложения мы видим и в отделе о временах. Мы считаем своим долгом отметить, что ни в одной грамматике древних языков учение о временах не изложено с такой ясностью и доказательностью, как в грамматиках Соболевского (см., например, §§ 1189—1214 греческой и §§ 721—765 латинской грамматики).

Очень важным отделом руководства являются «Важнейшие синтаксические правила» (стр. 383—393), предпосланные хрестоматии и снабженные ссылками на параграфы синтаксиса. Это превосходный конспект, чрезвычайно удобный и легко запоминаемый, который легко усвоится в первый же год, так как весь его материал будет сопровождаться чтением и переводами из хрестоматии.

Вторая часть руководства С. И. Соболевского — тексты для переводов (хрестоматия) составлена отчасти из сочиненных фраз (главным образом, в первой своей половине, до № 102), но основной ее материал составляют подлинные тексты из греческих авторов. Это делает хрестоматию исключительно ценной, так как переход от некоего произведений греческой литературы совершается самым естественным образом.

Полную новизну по сравнению с другими учебниками представляет введение (для переводов на греческий язык) фраз из русских авторов, пословиц и изречений, данных чистым русским языком без приспособлений для перевода. Такой материал и интересен и очень полезен: учащийся приучается находить нужные эквиваленты оборотов, отыскание которых бывает так затруднительно при переводе с древних языков. Рассказы в конце хрестоматии подобраны самим автором, а не заимствованы из других учебников; они взяты из фрагментов греческих комиков и трагиков, из Стобея, из сборников изречений и т. д. Благодаря подбору таких подлинных, а не приспособленных текстов достигается основная цель изучения языка: усвоение его правильных и живых форм. Во всем учебнике и греческий и русский язык хороший и правильный, без всяких искажений. Требование такого языка, о чем говорит С. И. Соболевский в предисловии и к своему учебнику латинского языка, соблюдено им в полной мере.

Внимательный просмотр руководства С. И. Соболевского приводит нас к выводу, что это лучший учебник греческого языка. Но так как обычно во всяком учебнике бывают и недочеты, они попадают и в этой книге. Недочетов очень мало, но некоторые из них мы все-таки можем указать. Синтаксис иногда недостаточно полон; так нет, например, оборота «винительный самостоятельный». Особенно досадно, что нет отдела об аттракции относительного местоимения. Вероятно, это просто недосмотр. Придирчивый критик может отметить и такие мелочи, как отсутствие полного примера для § 924: в примере из Аристотеля нет имени сказуемого; можно было бы привести из Эсхила: Ἀπλῆ γὰρ ἐστὶ τῆς ἀληθείας ἐπιτή (A e s c h u l., fragm. 176).

Но эти и подобные им недосмотры несколько не снижают ценности руководства С. И. Соболевского, которое, как и его «Грамматика латинского языка» с обширной и интереснейшей хрестоматией, представляет собою исключительно ценный и полезный учебник, по которому можно научиться древним языкам. Этими книгами может гордиться наша советская наука и благодарить нашего маститого ученого за его деятельное участие в культурном строительстве.

В настоящее время С. И. Соболевский работает над подробной грамматикой греческого языка. Мы надеемся, что этот труд скоро будет закончен и выйдет в свет.

Ф. А. Петровский

II

Книга С. И. Соболевского появилась вполне своевременно: по греческому языку наши студенты фактически не имели учебников. Можно сказать, что учебник С. И. Соболевского — первая книга по греческому языку за период советской власти. Автор учебника является крупным советским ученым, и поэтому книга вызывает к себе тем большее внимание. Хотя, по словам автора, является кратким учебником (614 страниц, 1543 параграфа, кроме хрестоматийного материала), она на обложке носит подзаголовок: для в ы с ш и х учебных заведений. А это обязывает!

Говорить об ошибках не приходится: у С. И. Соболевского их нет, говорить же об опечатках и неточных выражениях я не считаю нужным — С. И. Соболевский в них неповинен. Но я вынужден говорить о другом, что гораздо печальнее: весь этот материал с массой парадигм, с огромным количеством подразделений подан абсолютно догматически; нигде мы не встречаем объяснения, почему получается та или другая форма. Студенту предлагается все запомнить и заучить. С. И. Соболевский не обращает внимания на историю языка. Вот маленький пример: во втором склонении (да и дальше в книге) он не говорит о склонении слова θεός. А между тем обычно зват. пад. от него учат ставить как имен. — θεός. Почему? Или правильное сказать — когда? Это приводит к вопросу об употреблении единственного и множественного числа этого слова, ярко говорящего, что единственное число мужского рода (не женского!) употреблялось редко, что звательного падежа не существовало до I в. н. э. и что явился он как результат перевода древнееврейской библии, так как у евреев в языке звательного падежа нет (аналогичное явление с латинск. deus). Так одна форма открывает нам историю и причинность явления. Таких возможностей много. Или, например, § 191 об образовании именительного падежа на *ς* в слове δελφίς. Во-первых, неясно, почему при форме δελφῖν поставлено обличенное ударение (по-моему, не нужно никакого), а при δελφίς острое. А во-вторых, это правило дано догматически. Между тем если уже его давать, то следовало бы сказать, что старинная форма была δελφός — значит, нет неправильности, явная аналогия (кстати — этого термина нет во всей книге) с ἰχθύς, а затем не интересно ли для учащегося узнать, что это слово обозначает: «морская свинья» οὐς; ведь по этому вопросу существует целая литература. Если ее знаю я, то, конечно, знает ее лучше меня С. И. Соболевский. Но он не считает нужным давать такие указания; это он считает «лиженаукой». Давая, на мой взгляд, малонужное слово δελφίς, С. И. Соболевский нигде не говорил о слове πῦρ, — огонь и его множественном числе в среднем роде πυρά. А это хорошо освещено еще в старом русском журнале по классической филологии «Филологическое обозрение», т. V, где русский научный работник раньше всех иностранных ученых объяснил эту особенность параллельно с явлениями русского языка. Я позволю себе здесь напомнить указание товарища Сталина о том, чтобы рассматривать явления «с точки зрения их движения, их изменения, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 101).

Ту же картину мы видим и в сфере лингвистики, о которой сам С. И. Соболевский во «Введении» говорит, что «от лингвистического объяснения форм мне пришлось отказаться, как от приема, методически совершенно неуместного в руководстве подобного рода». Его руководство, как я указал, носит подзаголовок «для высших учебных заведений». Где же уместны лингвистические объяснения? С. И. Соболевский, вероятно, помнит «Лекции по греческому языку» Ф. Е. Корша (к сожалению, нигде не опубликованные, кроме литографированного издания), где он блестяще разбивал положения Бругмана и давал «лингвистические» объяснения. Наши теперешние студенты-филологи, прошедшие еще, кроме того, хорошую школу по русскому языку, заслуживают таких объяснений, которые во многом помогли бы и самому учебнику в смысле сокращения столь огромного его размера.

Зная, что конечное $\nu (= \mu)$ может быть равно $\tilde{\nu}$, студент поймет винительный единств. 3-го склонения и одновременно форму 3-го множеств. praes. act. глаголов на μ . Принцип удвоения будет значительно понятнее, если будет указано, что он встречается не только в perfectum, но и в aorist'e и в praesens'e, и во многих других языках. Если студенту скажут, что приращение по существу самостоятельная проклитика, он не удивится его исчезновению во многих формах у Гомера. А разве не нужно объяснить различие долготы гласных в формах трех лиц единств. числа и трех лиц множеств. числа, хотя бы в praes. act. как глаголов на μ , так и глаголов на ω , а кстати указать, откуда появилась эта самая ω . Ведь это элементарно просто, и сам С. И. Соболевский признает «легкий комментарий лингвистического характера, который действительно может помочь усвоению». А почему же С. И. Соболевский этого не сделал? Вместо

совершенно ненужного для наших студентов § 420 и многих подобных такие объяснения могли бы в значительной степени помочь у с в о е н и ю трудного курса греческого глагола. Правильно, что не все и всякие лингвистические «хитрости» можно и нужно сообщать студенту: на многое он не обратит пока должного внимания. Но то, что бросается ему в глаза (например, §§ 1531, оконч. 1-го лица множ. числа страд. зал. μέθη и μέθη), объяснить надо, а не указать, что встречаются обе эти формы. В отношении § 615 (ударение perf. passivi — μένος) просто сказано «имеет всегда ударение παροχυτοπον», а почему? Это не сказано. И как много таких «почему» возникает при чтении этой книги.

Из учебника изъят всегда фигурировавший futur. doricum. Это хорошо для начального учебника. Но ведь эта форма, не встречающаяся у Ксенофонта, редко встречающаяся у Платона, довольно часто встречается у греческих трагиков, особенно у Еврипида. Встретив ее, где справится студент, как не в учебнике С. И. Соболевского? Поэтому я полагаю, что ее хотя бы в примечании дать нужно.

Все вышесказанное относится и к синтаксису (стр. 244—353, §§ 923—1429). С. И. Соболевский и здесь несколько отступил от своих прежних утверждений, что синтаксис должен быть более развернутым, чем морфология. При учении о падежах не выдвинуто первоначальное значение падежа и развивающиеся отсюда впоследствии формы. При пояснении сложного предложения неясно изложено правило и об ὄτε и οὐκ ἔτι. Особенно последний дает красивую картину своего исторического развития. Как при том, так и при другом хотелось бы видеть подчеркнутой и разъясненной форму инфинитива. Более 50 лет назад именно за это С. И. Соболевский сурово, но правильно критиковал синтаксис Черного. Кроме того, по этому вопросу есть много специальных работ. И всегда оттенок волюнтаристичности присущ здесь неопределенному наклонению. Даже в тех примерах, которые даны С. И. Соболевским, много позволяют толковать себя не так, как они переведены. Указание (§ 1315) на то, что на конструкцию с κέρν влияет присутствие или отсутствие отрицания в главном предложении, я считаю слишком формальным; я бы предпочел увидеть выяснение оттенка мысли. Употребление infinitivus с гл. μέλλω (§ 1212) объяснено очень неполно. В отделе об отрицаниях не указаны различия между оборотами οὐ μή и μή οὐ, не раз встречающимися в классической поэзии, и прозе. Вопрос об историческом синтаксисе стоит еще открытым, и советская наука вправе ждать от С. И. Соболевского заполнения этого пробела по тем путям, какие предугаданы Ф. Е. Коршем в его работе «Способы относительного подчинения», работе, написанной 70 лет назад, до выводов которой только теперь доходят doctissimi doctissimorum Западной Европы.

Книга С. И. Соболевского заканчивается краткой хрестоматией для переводов с греческого и, конечно, с русского на греческий. Из цельных отрывков дана первая песня «Илиады», из Платона — «Апология», выдержки из «Федона» и из «Государства». Конечно, язык Платона блестящ, но по многим основаниям, пожалуй, такого подбора давать не следовало. По языку он труден (вспомним эпоху увлечения исследованиями о платоновских частицах); философия Платона, особенно в «Государстве», нам идеологически чужда, да и восхваление личности Сократа не только здесь, но и в большом количестве фраз для перевода едва ли соответствует нашему к нему отношению. Точно так же составленный, по видимому, самим автором рассказ (стр. 432, № 46) о современных «огненосных» орудиях едва ли нужен. Первая же песня «Илиады» Гомера по многим причинам трудна; вопросы, возникающие при ее чтении (например стих 31: ἐρόν λέχος — как accusat.), книгой С. И. Соболевского не разъясняются; было бы лучше взять отрывки из Одиссеи. Кстати в приложенном словаре нет слов для Гомера, и студентам приходится обращаться все к тому же Вейсману.

Подводя итоги всему мною сказанному, я вновь указываю, что эта книга будет полезной для студентов как надежный с п р а в о ч н и к, им не придется записывать, не имея пособия, греческую грамматику себе в тетради; правда, она ужаснет их своим размером, но делом преподавателя будет в известной части ее сократить, зато, с другой стороны, и расширить н у ж н ы м и лингвистическими и историческими объяснениями. О д н а к о э т о е щ е н е у ч е б н и к г р е ч е с к о г о я з ы к а: в книге не выполнены законные требования, которые поставлены перед советскими учеными в ходе

лингвистической дискуссии. Будем надеяться, что в большом учебнике С. И. Соболевского будет выполнено и это наше всеобщее желание, так как для всех нас горят ярким светом незабываемые слова «Краткого курса истории ВКП(б)»: «Наука не стоит и не может стоять на одном месте,— она развивается и совершенствуется».

С. П. Кондратьев

С. КОНДРАТЬЕВ и А. ВАСНЕЦОВ. Учебник латинского языка для 8—10 классов средней школы, Учпедгиз, 1948, 320 страниц, тираж 10 000, цена 5 р. 20 к.

Как известно, с 1948/49 учебного года в некоторых средних школах крупнейших городов нашей страны введено изучение латинского языка. Это мероприятие надлежит всячески приветствовать. Знание латыни совершенно необходимо для очень широких кругов советской интеллигенции: для врачей, биологов, юристов, языковедов и, в первую очередь, для историков. Особенное значение латинский язык имеет для медиевистов и историков античности. Опыт преподавания латинского языка в вузах показывает, что студенты усваивают латинский язык далеко не в достаточной степени для того, чтобы они могли применить свои познания в дальнейшей педагогической и научной работе. Кроме того, в силу возрастных особенностей обучение латинскому языку взрослых людей в вузах не дает обычно того эффекта, которого можно достичь со школьниками.

Именно поэтому весьма важно поставить на надлежащем уровне преподавание латинского языка в средней школе. Методика преподавания латыни в дореволюционных гимназиях только в незначительной степени может найти применение в советской школе. Наши советские школьники совсем не похожи на прежних гимназистов. Дореволюционные методы преподавания латинского языка, полные мертвячины, схоластицизма и зубрежки, которые вызвали отвращение у большинства гимназистов, тем более непригодны для нашей несравненно более сознательной молодежи. Необходимо считаться и с тем, что в отличие от гимназий, где изучение латыни начиналось с 3—4 класса, в настоящее время латинский язык вводится в 8—10 классах средней школы. Количество часов, отводимое на изучение языка, также значительно меньше, чем в гимназиях.

Все эти обстоятельства предъявляют повышенные требования к первому советскому учебнику латинского языка для средней школы. В какой степени рецензируемый учебник отвечает всем этим требованиям?

Учебник — небольшой по объему. На 320 страницах текста даны: вся морфология (стр. 3—169), синтаксис (170—230) и довольно значительный и разнообразный материал для чтения (стр. 231—261). В конце книги помещены словари: латинско-русский и русско-латинский, несколько пословиц, указатель. Книга прекрасно оформлена графически. В учебнике использовано большое количество разнообразных шрифтов: корпус, петит, жирные корпус и петит, а также светлый курсив. Важнейшие правила вслуду пронумерованы и даны в выделяющихся рамках. Широко используется разрядка. Большое количество таблиц облегчает осознание и запоминание различных грамматических форм. К учебнику приложены специальные, большого формата, таблицы спряжений.

Грамматический материал, в частности морфология, излагается в не совсем обычной последовательности. После обычного небольшого вводного раздела, трактующего об особенностях произношения, ударения и общих данных о частях речи, следует обширная глава о глаголе, в которой объясняются общие принципы образования глагольных форм и дается полностью их терминология. В конце этой главы даны парадигмы *praesentis indicativi* и *coniunctivi*, а также *imperativi praesentis* и *futuri* с практическими упражнениями на указанные формы.